

УДК 391

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

“МУНДИР” ОСТЯЦКОГО БОЖЕСТВА

О божествах и духах-покровителях манси и хантов написано немало. Внимание уделялось и оформлению их фигур, причем исследователи в основном подчеркивали “богатырский” облик божеств. Согласно традиционным представлениям манси и хантов, в ранний период их истории землю населяли богатыри, после смерти ставшие духами-покровителями селений или целых территорий [Гондатти, 1888, с. 36–37]. Постепенно в этнографической литературе синонимом определения “богатырский” стало слово “военный”. “Военный” облик божеств подчеркивался, в частности, присутствием на святилищах образцов холодного оружия.

Как известно, в традиционных обществах важное значение в системе распознавания образа играл не сам портрет с его индивидуальной характеристикой, а сопровождавшие это изображение регалии, которые отражали социальный статус [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 78]. В мировой истории подобных примеров немало: в IV в. в Северном Ираке статуя древнего бога Ашур-бела была одета в римский военный плащ; голова статуи местной богини Аллат украшена военным шлемом [Луконин, 1969, с. 71].

Данная статья является попыткой доказать тот факт, что в XVI–XX вв. ханты и манси при изготовлении фигур божеств (в меньшей степени это характерно для семейных духов-покровителей) наделяли их атрибутами и символами власти, характерной в России для конкретного хронологического периода.

Первоначальный этап освоения русскими Сибири был связан с продвижением военных отрядов. В этих условиях власть Российского государства остыки и vogулы воспринимали в большей степени как военную. Социальный (властный) статус местных божеств, соответственно, выражался в “богатырском”, “военном” облике.

В XVII в. vogулы и березовские остыки покупали у русских торговцев “шлемы, пансыри и доспехи” [Бахрушин, 1935, с. 13, 16]. Довольно скоро защитное снаряжение стало использоваться в обрядовой практике. “Белогорскому шайтану” в дар был послан панцирь, снятый с Ермака [Там же, с. 70]; в начале XVIII в. рядом с известным божеством Стариком Обским “з золотою грудью” лежали копье и панцирь [Новицкий, 1941, с. 59]; в панцирь были нередко облачены “мужские кумиры” обдорских остыков [Кастрен, 1860, с. 186]. У хантов р. Полуй в священной нарте на таежном святилище хранится средневековый железный шлем, преподнесенный семейству духу-покровителю [Бауло, 2004а, с. 99].

Военная форма из сукна и ее элементы также неоднократно фиксировались в обрядовой практике. По информации К. Карьялайнена, в одном из святых амбарчиков остыков среди одежд, принесенных духу, находился длинный “солдатский сюртук прошлого столетия” с блестящими пуговицами и галунами [1995, с. 61]. В доме П.Е. Шешкина в пос. Ломбовож (р. Ляпин) в святом сундуке *Mir-susne-хума* находился кафтан из сукна коричневого цвета (предположительно начала XVIII в., не обязательно военный, возможно, австрийский) (рис. 1). В пос. Ямгорт (р. Сыня) семейный дух-покровитель был наряжен в камзол XVIII в. из сукна красного цвета с медными пуговицами (рис. 2). В пос. Тугияны (р. Обь) сердцевину изображения *Вэрт-поха* составляет жестяной киверный герб русского пехотинца 1833–1843 гг. Серебряные эполеты 1860-х гг. хранились в составе святых вещей П.С. Таратова в пос. Верхне-Нильдино (р. Сев. Сосьва) [Бауло, 2004а, с. 110]. В пос. Ишвары (р. Мал. Обь) семейству божеству были преподнесены погоны старшего офицера Вооруженных Сил

*Рис. 1. Кафтан XVIII в. – подношение
Мир-сусне-хуму. Поселок Ломбовож.*

*Рис. 2. Камзол XVIII в. – “мундир”
семейному духу-покровителю. Поселок Ямгорт.*

СССР и офицерский парадный суконный ремень (Половые материалы автора (далее – ПМА), 2005).

Практика использования военной формы описана и у ближайших соседей северных хантов – ненцев. В 1830-х гг. А. Шренк побывал в архангельской тундре на жертвенном месте самоедов, преданном сожжению православными миссионерами. Здесь он обнаружил солдатские медные пуговицы – остатки солдатского мундира, пожертвованного самоедами своим богам (цит. по: [Шмидт, 1932, с. 21]).

В начале XVIII в. предметы вооружения отмечены на сибирских святынях [Бахрушин, 1935, с. 26; Новицкий, 1941, с. 80–81]. В дар духам-покровителям ханты и манси преподносили наконечники копий, бердыши [Шульц, 1924, с. 194; Бауло, 2004а, с. 100], бронзовый клевец [Источники..., 1987, с. 241], мечи, сабли, палаши, кинжалы, боевые топоры [Кастрен, 1860, с. 186; Финш, Брэм, 1882, с. 415, 436–437; Шульц, 1924, с. 193; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 20–23; Источники..., 1987, с. 200, 205; Гемуев, 1990, с. 84–86; Грачева, 1990, с. 22–23; Гемуев, Бауло, 1999, с. 30–31; Успенская, 2002, с. 46; Федорова, 2002, с. 114; Бауло, 2004а, с. 103–109]. На панно 1840-х гг.

сибирским художником Н. Шаховым изображены два помоста с фигурами двух идолов северных осяков, вооруженных саблями [Чернцов, 1949, с. 15].

Воинская атрибутика божеств нашла свое отражение и в мифологии. У манси известен *Кер хонгра хум* “Человек с железными подколенками” [Источники..., 1987, с. 268]; одет в кольчугу и вооружен саблей *Taxt-котиль-ойка* “Старик середины Сосьвы”; *Пайтынг-ойка*, по преданию, носил панцирь, сшитый из вываренной бересты; на медвежьем празднике “Семь богатырей с притока Лоззы” выступали в кольчугах [Ромбандеева, 1993, с. 53, 61, 75]. В начале XX в. казымские ханты почитали духа-покровителя в образе железной женщины с саблей в руке [Лехтисало, 1998, с. 79]. В 1930-х гг. на медвежьем празднике в поселках Вежакары, Ильпи-пауль и Сури-пауль (р. Обь) приходящие божества изображались с саблей. Дух-покровитель Самбиндаловых в пос. Яны-пауль, по легенде, имел такую тяжелую саблю, что ее могли поднять только три человека [Источники..., 1987, с. 200, 217, 229, 247].

Манси и ханты при отсутствии реальных предметов воинской амуниции и вооружения в обрядовой практике нередко их имитировали. Исследователи

обращали внимание на деревянные изваяния духов с остроконечной головой, которые встречаются на святилищах обских угров. С точки зрения К. Карьялайнена, остроконечные головы духов-покровителей копировали шапки русских казаков [1995, с. 49]. В.Н. Чернецов рассматривал подобные головы идолов как попытку стилизованного изображения воинских шлемов [Чернецов, Мошинская, 1954, с. 183]. По мнению И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева и А.И. Соловьева, жителям тайги были издавна знакомы боевые шлемы, поэтому их изображали в виде головных уборов деревянных изваяний [1989, с. 81, 88]. Манси не только придавали головам деревянных изваяний остроконечную форму, но и часто обматывали эти головы кусками белой ткани [Дмитриев-Садовников, 2000, с. 42; Народы..., 1986, с. 135–141; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 33, 82]. Такая обмотка, по мнению И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, символизировала воинский шлем [1986, с. 33]. В шлеме предстает личина богатыря-предка, вырубленная на стволе продолжающего рости дерева [Там же, с. 94].

В современной обрядовой практике обязательность показа духа-покровителя в шлеме приобретает разные формы. В пос. Зеленый Яр хранится изображение семейного божества, вырезанное из дерева; верхняя часть головы имеет форму шлема. У войкарских хантов на святилище *Най ими* “Огненной женщины” установлена фигура богатыря – Сына богини. Его голова покрыта большой жестяной крышкой от стеклянной банки; возможно, таким образом имитируется средневековый шлем с плоским верхом [Бауло, 2004а, с. 99]. Копируют металлические шлемы и с помощью суконных изделий. В доме П.Е. Шешкина в Ломбовоже был обнаружен суконный шлем с забралом и бармицей; покрой этого головного убора соответствует конструкции шлема-ерихонки [Гемуев, 1990, с. 91].

На святилище *Ворсик-ойки* (р. Манья) грудь деревянной фигуры духа-покровителя была закрыта куском металлической фольги, имитирующей кольчугу [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 18–19]. В домашнем святилище манси Хозумовых в пос. Ясунт хранилось изображение семейного духа-покровителя конца XVIII в. На переднюю сторону одного из халатов были положены три жестяные пластинки в виде пятиугольников, имитирующие, ескорее всего, детали панциря. Поверх туловища фигуры духа-покровителя из пос. Яны-пауль (р. Сев. Сосьва) был надет двусторонний “панцирь” из куска золотого позумента. В доме И. Сайнахова в пос. Щекурия в сундуке лежало лезвие косы, имитирующее саблю богатыря-предка. У войкарских хантов на святилище *Най ими* в священной нарте богини хранятся два миниатюрных кинжала, выструганных из дерева [Бауло, 2004а, с. 98–99, 104].

Имитация ритуального одеяния и снаряжения богатыря у обских угров неоднократно описана на примере жертвенных суконных атрибутов *Мир-сусне-хума*.

“*Мир-хума* – “седла”, пояса, шлема и колчана [Гемуев, Бауло, 2001].

В качестве примера обозначения богатырского характера божеств с помощью военной символики можно упомянуть бытующие в религиозно-обрядовом комплексе хантов и манси статуэтки кавалеристов XIX в. из папье-маше. Игрушки-всадники отмечены в составе культовой атрибутики манси (пос. Ломбовож) [Гемуев, 1990, с. 74] и хантов (пос. Тутлейм, 5 экз.; Пашторы; Нимвожорт, 2 экз.) [Бауло, 2004а, с. 111]. Все они почитались как изображение *Мир-сусне-хума/Мир-ваннты-хэ* (рис. 3). Вероятно, один из таких всадников описан у казымских хантов: в июле 1934 г. в окружной газете шла речь о том, что у ханта П.К. Молданова в святом ящике хранился маленький конь, на спине его верхом сидел маленький мужичок [Ерныхова, 2003, с. 84]. Бронзовая фигурка кавалериста XIX в. являлась семейным охранителем у манси Т.И. Номина [Гемуев, Бауло, 1999, с. 72]. Металлический всадник в военной форме был обнаружен на чердаке дома в пос. Суеват-пауль Свердловской обл. [Окно..., 2003, с. 81].

С конца XVII в. остыки и vogулы начинают больше зависеть от гражданской, нежели военной, государственной власти. В изображении божеств “инородцы” стараются копировать внешний вид собственных кня-

Рис. 3. Всадник из папье-маше – олицетворение *Мир-сусне-хума*. Поселок Пашторы.

зей и обращают внимание на вещи, которыми российские цари подчеркивали свое высокое положение.

В XVII–XVIII вв. население поселков, расположенных в нижнем течении Оби, входило в состав Обдорской, Куноватской и Ляпинской волостей Березовского уезда, во главе которого стояли князцы Тайшины, Артанзеевы и Шешкины. В апреле 1679 г. князец Гында Моликов получил от государя кафтан с серебряными завязками, шапку соболью и сапоги. В 1704 г. Ляпинский князец Шеша Кушкireев был пожалован однорядкой красной, собольей шапкой и сапогами. В январе 1768 г. Обдорскому князю Матвею Тайшину вместе с жалованной грамотой на владение землями прислали из столицы кортик с изображением на рукоятке орлиной головы, парадную одежду (кафтан, камзол, шапку) и “красные золотом шитые сафьянные сапоги”. Последнему обдорскому князю И.М. Тайшину Николай I пожаловал серебряный кортик с портупеей [Перевалова, 2004, с. 55, 59, 86].

Со временем некоторые из знаков власти оказались в составе культовой атрибутики. Так, на чердаках двух домов пос. Ямгорт, в которых проживают потомки князей Артанзеевых, хранились два комплекта шпаг и палашей второй половины XVIII в. На лезвии одного палаша выгравированы княжеская корона и вензель. На лезвии шпаги с двух сторон имеются надписи: “Вивать Анна Великая” и “Богъ и отечество” [Бауло, 2004а, с. 108].

Соответствующая символика и атрибутика постепенно стали необходимым элементом в изображении обско-угорских божеств. В середине XIX в. Ю. Кушелевский описал у осяков в Эндерских юртах идола, одетого в старый заседательский мундир и при шпаге [1868, с. 113]. Впрочем, не только мундиры, но даже металлические пуговицы с них, по мнению О.А. Мурашко и Н.А. Кренке, рассматривались в XIX в. осяками как элементы одежды высокого статуса, поэтому отношение к ним было особое. В 1909 г. проводник О.О. Баклунда, глядя на сотрудников экспедиции, одетых в костюмы цвета хаки, усомнился в том, что они “большие чиновники, приехали из Петербурга”, т.к. на них не было блестящих металлических пуговиц. И.Н. Шухов, посетивший р. Щучью в 1913 г., писал: “...осяки меня рассматривали, показывали на пуговицы” [Мурашко, Кренке, 2001, с. 52]. Как курьезный факт можно упомянуть присутствие в святых сундуках хантов пуговиц офицеров подводного флота Германии времен Второй мировой войны. Они были поднесены духам-покровителям (ПМА, 2000, 2001, 2005).

Шпага гражданского чиновника образца 1855 г. хранилась у хантов в пос. Шурышки (р. Мал. Обь) (ПМА, 2003); жандармская сабля до сих пор обозначает одно из идолов тегинских хантов [Бауло, 2002, с. 36–37].

Божествам подносили и кожаные сапоги, в основном ремесленные образцы детской обуви, пошитой

на рубеже XIX–XX вв. Подобные случаи отмечены у манси в Цыгарских юртах, на святилище *Хонт-Торума* [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 74], в поселках Хурумпауль (р. Ляпин) [Гемуев, 1990, с. 42, 51, 76], Кимкъясуи (р. Сев. Сосьва) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 156], у хантов Казыма [Легенды Казыма..., 2005, с. 40], в поселках Тугияны, Ванзеват (2 пары) [Бауло, 2002, с. 41–42], Зеленый Яр (р. Полуй) [Бауло, 2005, с. 351] (рис. 4), Анжигорт (р. Мал. Обь) (ПМА, 2005), Овагорт (р. Мал. Обь) (ПМА, 2006).

На одном из жертвенных покрывал, хранящихся в пос. Ломбовож, все четыре фигуры *Mir-susne-huma* запечатлены в нашитых миниатюрных суконных сажожках (ПМА, 2006) (рис. 5). В одном из сказаний повествуется о том, как vogul послал в Троицкие юрты в жертву *Mir-susne-humu* старые голенища своих сапог [Kannisto, 1958, с. 262].

Фуражки, которые дарили божествам ханты и манси чаще всего относятся к служебным головным уборам с козырьком и эмблемой. Только в последние годы фуражки и их имитации были зафиксированы в домашних святилищах: у манси в поселках Ломбовож, Хурумпауль, Ясунт (по 2 экз.) ([Гемуев, 1990, с. 50–51, 72]; ПМА, 1999, 2006), у хантов р. Полуй (3 экз.) [Бауло, 2005, с. 350] (рис. 6). В данном случае головной убор также подчеркивал “властный” статус божества.

Дважды – у хантов Молдановых в пос. Ванзеват [Бауло, 2002, с. 42] и у Артанзеевых в пос. Ямгорт (ПМА, 2005) – в святых сундуках встречены старые очки, которые, скорее всего, были призваны подчеркнуть “чиновничий” образ божества.

Спросом в обрядовой практике пользовались элементы государственной символики. Основой фигуры семейного духа-покровителя в пос. Мувгорт (р. Сыня) являлся жестяной герб Российской империи конца XIX в. Такой же герб пришил в верхней части фигуры божества сынских хантов *Хоран-ур-ики* [Сынские ханты, 2005, с. 169].

Божествам делали подношения и в виде различных знаков. В пос. Верхне-Нильдино в святом сундуке хранился медный жетон деревенского старосты XIX в. (ПМА, 1985); семейному божеству на святилище на р. Полуй были подарены значки “Ворошиловский стрелок” и “Отличнику охотничьего промысла” (ПМА, 2002). На одну из рубашек *иттермы* (временное святилище души умершего) в пос. Хурумпауль была приколота медаль “Материнская слава” (ПМА, 2005).

“Чиновничьи” функции божеств упоминаются и в мифологии манси и хантов. Духи-покровители vogulов, как и лесные духи *менквы*, платят небесному богу налоги мехами; сборщиками налогов являются определенные духи-покровители, в их числе – *Чохрынь-ойка* [Kannisto, 1958, с. 142–143; Источники..., 1987, с. 37]. В одном из мифов описан суд духов-покровителей над лесным духом, укравшим у vogula

Рис. 4. Сапоги – подношение семейному духу-покровителю. Поселок Зеленый Яр.

Рис. 5. Жертвенное покрывало с изображением *Мир-сусне-хума* в сапогах. Поселок Ломбовож.

собаку; суд поручил вынесение приговора Чохрынь-ойке; лесного духа приговорили к наказанию розгами и заточению в темницу, кроме того, он должен был вернуть вогулу украденное имущество и вдобавок поднести подарок. Высшей инстанцией в этом случае был Пельмский бог – “княжеский судья, взимавший подати” [Kannisto, 1958, с. 144]. Старшиной у лесных духов, когда они собираются для взимания налогов, является Тулям-уройка, проживающий недалеко от Няксимволя [Ibid, s. 148]. Богиня Калтась после рождения ребенка срок его будущей жизни записывает в специальную книгу [Ibid, s. 121]. Согласно сказаниям кондинских манси, Йивэр-най “богиня Евра” надевала очки, чтобы проверять работу птиц-посланцев: она видела в очках за 40 верст, а без очков – как обычный человек [Ibid, 185].

Скорее всего, к чиновничим (по крайней мере, по форме) можно отнести ритуальные штаны, преподнесенные *Мир-сусне-хуму* [Бауло, 2004б, с. 95]

Примеры использования церковной одежды в обрядовой практике осятков и вогулов единичны; это вполне естественно, ведь она противопоставлялась собственным религиозным атрибутам “инородцев”. Интересен случай, произошедший в 1723 г. Священник

Рис. 6. Фуражки – подношения семейным божествам.
а – пос. Ясунт; б – пос. Зеленый Яр.

Белогорской Троицкой церкви Дорофей Скосырев называл осятского шайтана “своим братом большим того ради, что он, поп, брал всякое приношение с ним, шайтаном, пополам. <...> А братался он с ним, шайтаном, рясою своею черною, конфовою, которая ряса обретается на нем, шайтане, и по днесь...” [Очерки..., 2000, с. 232]. В середине XIX в. русские промышленники заказывали делать для идолов серебряные короны, вроде епископских митр, и в Обдорске тайно продавали их крещеным инородцам [Кушелевский, 1868, с. 113]. Фрагмент куска парчи с вышитой церковной символикой

кой – крестами – хранился в домашнем святилище в пос. Тильтим (р. Сыня) (ПМА, 2003).

Полагаю, что приведенный материал подтверждает выраженный социальный (властный) статус божеств и духов-покровителей, который в XVII–XX вв. демонстрировался манси и хантами с помощью военной, гражданской (реже церковной) формы и символики. Представляется, что большой смысловой разницы между военным и чиновничим мундиром в обрядовой практике, скорее всего, не было.

Список литературы

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 92 с.

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004а. – 160 с.

Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004б. – № 1. – С. 89–101.

Бауло А.В. Культовая атрибутика коренного населения реки Полуй // Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – С. 347–361.

Бахрушин С.В. Остяцкие и vogульские княжества в XVI–XVII вв. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1935. – 92 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2001. – 160 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 175 с.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М., 1888. – 91 с.

Гречева Г.Н. Палеоэтнографические исследования в Арктике // КСИА. – 1990. – Вып. 200. – С. 21–26.

Дмитриев-Садовников Гр. Экскурсия по р. Сосве и др. в 1919 г. Дневник экспедиции // Лукич. – Тюмень, 2000. – № 4. – С. 6–60.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 160 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 280 с.

Карьядайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 282 с.

Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. – М., 1860. – Т. 6, ч. 2. – 436 с.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал. – СПб.: [Тип. МВД], 1868. – 156 с.

Легенды Казыма. Культовая атрибутика казымских хантов в фондах Гос. музея природы и Человека / А.В. Бауло, С.В. Лазарева, Н.В. Федорова. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. – 58 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – 136 с.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. – М.: Наука, 1969. – 218 с.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 155 с.

Народы севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1986. – 225 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остыаком. – Новосибирск: Новосибгиз, 1941. – 107 с.

Окно в мифологическое время. Сибирский шаманизм XIX–XXI вв.: Каталог выставки. – Москва: Трилистник, 2003. – 128 с.

Очерки истории Югры. – Екатеринбург: Волот, 2000. – 408 с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.

Сынские ханты / Г.А. Аксянова, А.В. Бауло, Е.В. Перевалова, Э. Рутткаи, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова, Н.М. Талигина, Е.И. Тыликова, Н.В. Федорова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 352 с.

Успенская С.С. Образ Ем воши ики в фольклоре и верованиях казымских хантов // Мат-лы V Югорских чтений. – Ханты-Мансийск: ГУИПП “Полиграфист”, 2002. – С. 39–55.

Федорова Н.В. Блюдо со львами: пять жизней за тысячу лет // Вест. УрО РАН. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 2. – С. 107–115.

Финиш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. – М., 1882. – 540 с.

Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам 19 века // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. 10. – С. 7–33.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С. 163–192.

Шмидт А.В. Жертвенные места камско-уральского края. – Л.: Гос. Академия истории материальной культуры, 1932. – 48 с. – (Изв. Государственной Академии истории материальной культуры; т. 13, вып. 1/2).

Шульц Л. Салымские остыяки (из материалов к этнографии южных остыяков) // Зап. Тюмен. об-ва науч. изучения местного края. – Тюмень: Гостилография, 1924. – Вып. 1. – С. 166–200.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. – Helsinki, 1958. – Vol. 113. – 444 s.